

МАГИСТРАЛЬ

Японские народные сказки

Москва

УДК 398.21(=521)
ББК 82.3(5Япо)-6
Я70

Перевод с японского *В. Н. Марковой*

Подготовка текста *В. С. Сановича*

Комментарии *В. Н. Марковой, В. С. Сановича*

Разработка серии и художественное оформление *Анастасии Зининой*

В оформлении использованы иллюстрации:
Prutamin_C, kitouL, Elena Akkurt, marukopum, VVTI, Vibrands Studio,
XinRui Design2018, Elina Li, Daiquiri, Niko28, Polina Valentina,
ANN_UDOD, Martin_Mailz, NB-Art-NB / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Я70 **Японские** народные сказки / перевод с японского В. Н. Марковой. — Москва : Эксмо, 2025. — 688 с. — (Магистраль. Коллекция).

ISBN 978-5-04-226126-8

Собрание японских сказок, повествований о различных чудесах, добрых и страшных, смешных и грустных, лукавых и назидательных и всегда поражающих своей оригинальностью и эмоциональной глубиной. В книге читатель, большой и маленький, познакомится с проказливыми лешими — тэнгу и водяными каппа, прекрасными девами-птицами и женщинами-змеями, коварными оборотнями лисами и барсуками, весельчаком и балагуром Хикоити.

Увлекательные предания старины, вошедшие в мировую сокровищницу сказок, собраны и переведены известнейшей переводчицей и филологом-японистом В. Н. Марковой.

УДК 398.21(=521)
ББК 82.3(5Япо)-6

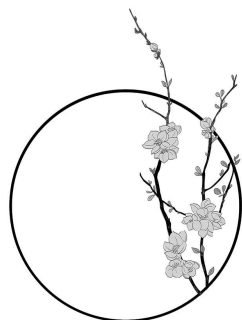
ISBN 978-5-04-226126-8

© В.Н. Маркова, перевод на русский язык,
комментарии. Наследники, 2025
© В.С. Санович, подготовка текста,
комментарии. Наследник, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

В
Е
Ч
Е
Р
О
В

Д
Е
С
Я
М
Ь

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда Лев Толстой начал составлять книги для народного чтения, в «Письмах по шелководству» Ф. Чижова, изданных в 1870 году, ему попала красивая японская легенда о гусенице-шелкопряде. Толстой обработал её и под названием «Золотоволосая царевна» поместил в «Русских книгах для чтения». Так, около ста лет тому назад, состоялось первое знакомство русского читателя с японской народной сказкой.

Арабские, индийские, иранские сказки давно вошли в обиход мировой культуры и сделались достоянием всего человечества. Но сказки Японии очень долго не могли получить того признания, которого они несомненно заслуживают. В XIX веке японские сказки стали известны за пределами своей родины, и оказалось: они понятны каждому и говорят тем же языком сердца, что и лучшие сказки других народов мира.

В России Лев Толстой первый обратил внимание на высочайшие художественные и моральные достоинства японских сказок: «Золотоволосая царевна», а затем и некоторые другие сказки в его мастерском пересказе стали достоянием русской литературы, не потеряв при этом своей японской народной основы.

Много потрудились над японскими сказками Самуил Маршак, редактируя их для детского чтения. За последние годы

японские сказки неоднократно выходили большими тиражами отдельно и в сборниках, для детей и взрослых¹.

Японские сказки созданы народом, всегда готовым на трудную, а главное, упорную борьбу с неподатливыми силами природы в своей островной, гористой стране, где узкие полосы плодородной земли зажаты в тесных долинах или отодвинуты каменным плечом горы к бушующему прибою.

Совместная борьба роднит людей. Это исторически возникшее чувство общности живёт в японской сказке как одна из самых привлекательных её особенностей. Старинное предание повествует о том, как дух горы (некто вроде духа Богемских гор — Рюбецаля) превратил женщину в змею только за то, что она нарушила обычай своей деревни всем делиться с соседями и одна съела собранные ею в лесу ягоды. В другой сказке рыбак Масария теряет кувшинчик с молодильным вином, чудесный дар Повелителя драконов — в тот самый миг, когда он пожалел разделить это вино с другими людьми («Чудесный кувшинчик»). Волшебным талисманом в сказке «Откуда пошли золотые жуки» может безопасно пользоваться лишь тот его владелец, кому деньги нужны для других, а не для себя. Человек, который своекорыстно жаждет золота, становится совсем маленьким, точно тает, и, наконец, обращается в ничто. Таков великий урок народной сказки!

Японский народ любит природу зоркой и внимательной любовью. Цветение слив и вишен, густые летние травы, красная листва клёнов, первый снег — воспеты и в поэзии, и в сказках Японии. Картины времён года — вот сокровища, которые спрятаны в волшебных кладовых подземного царства («Огневой Таро»). Тонкое чувство прекрасного — вторая замечательная особенность японской сказки.

Поэзия — любимейшее искусство японского народа. В одной из популярных крестьянских сказок происходит выбор невесты. Выносят на подносе горку соли, в неё воткнута маленькая веточка. Для девушек, не наделённых поэтическим

¹ «Японские народные сказки», перевод с японского и обработка Н. Фельдман, под общей редакцией Самуила Маршака. Л.: изд-во «Детская литература», 1936; «Японские сказки», перевод с японского В. Марковой и Б. Бейко. М.: Гослитиздат, 1966 и др.

чувством, это только столовая соль — и не более. А вот гонимая падчерица, Золушка этой сказки, сразу сложила стихотворение в честь сосны, растущей на белой от снега вершине горы, — и победила своих соперниц. Превосходно сочиняют стихи и герои сказок «Девушка с чашей на голове» и «Таро Лежебока».

Даже проказливый барсук в своём роде поэт. Светлыми ночами он любит луну до опьянения, пока не начнёт колотить лапами по своему надутому животу, как по барабану. Барсук и луна: для японской сказки очень характерно такое сочетание смешного и возвышенного («Барсук — любитель поэзии», «Луна на ветке»).

Японской сказке присущ особый тонкий юмор. Она любит шутку, игру слов, забавную концовку. Очень популярны в Японии «потешные истории» («вараибанаси»), построенные на забавной фарсовой ситуации или высмеивающие какие-нибудь человеческие недостатки и чудачества («Длинное имя», «Рассеянный»). Но смех японской сказки не всегда добродушен. Он становится острым и колючим, когда направлен против феодальной знати, церковников или богатей. Тогда сказка жалит, и очень больно.

Японский сказочник — большой мастер придумывать страшные истории, такие, от которых сам Рудый Панько, пожалуй, не отказался бы! Образы фантастических чудовищ гротескно-причудливы, от них веет ужасом. Эти видения словно возникали в ночном бреду. Именно такими изобразил их знаменитый художник Хokusай, он умел придать им удивительную достоверность.

* * *

Япония не всегда была «закрытой» страной, какой она стала в силу исторически сложившихся условий в эпоху позднего феодализма. В древности Япония испытала на себе сильное культурное воздействие соседних с ней, более развитых цивилизаций Востока. Уже в VI веке из Индии через Китай и Корею проник буддизм, а с ним вместе хлынул поток индийских легенд и сказок. Эти поэтичные и глубокие по мысли творе-

ния индийского народа обогатили японскую сказку. В ней появилось много новых сюжетов и волшебных персонажей.

Возможно, что в древнюю Японию проникли и неясные отголоски европейских сказаний (древнегреческих и скандинавских). Некоторые сказочные мотивы пришли и из страны трёх тысяч островов — Индонезии.

Но, восприняв в процессе своего формирования прекрасные художественные образы, созданные в Индии и других странах, японская сказка ни в малой мере не утратила самобытности и осталась сама собою.

Сказка — это поэтическая картина мира в том неповторимом особом видении, которое присуще каждому народу. И потому даже очень хорошо известные сюжеты (например, «Золушка», «Мальчик с пальчик» или «Безрукая девушка») при всем сходстве событий имеют в Японии свою «особицу». Каково бы ни было происхождение отдельных сюжетов и мотивов (это не всегда просто установить), но весь исторический ход развития японской сказки позволяет утверждать, что в основном она — плод самостоятельного творчества японского народа. «Есть образ мыслей и чувствований, — писал Пушкин, — есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу»¹.

Образы и сюжеты сказок очень живучи, но в них, как в старом дупле дерева, селятся новые птицы. А новые птицы поют новые песни. Японские сказочники — люди своего времени. Они не сохраняют древнее предание неизменным, а вносят в него новые мотивировки и черты знакомого им быта. Так, например, рассказав о приключениях княжеского сына, японский крестьянин более поздних времён добавляет в конце, что к своему отцу юноша так и не вернулся, а обещал посылать ему деньги из своих заработков.

За многие века жизнь страны неузнаваемо менялась не один раз. Некоторые сказки, возникшие ещё при родовом строе, передавались от поколения к поколению. Вряд ли устная традиция донесла их до нас в первоизданном виде. И всё же в них слышится как бы дальнее эхо давно ушедшего от нас мира.

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 7. М.: изд-во Академии наук СССР, 1958, с. 38.

Древние японские мифы обоготворяли силы природы: солнце, ветер, море... Мифические герои обладали титанической мощью: это воители — змееборцы, преобразователи земли. По словам Белинского, «физическая мощь есть первый момент сознания жизни и её очарования»¹.

На острове Окинава рассказывали о великане Аманодзяку (что значит «Небесный столп»). Он, как Атлант, держал небесный свод на своих плечах, и спина его навек искривилась от этой страшной тяжести. Великаны почти исчезли из японских сказок. В современной детской сказке Аманодзяку — безобразный демон с лягушачьим ртом; он играет роль злого волка русских сказок и совсем не похож на великана. В наказание за его злые проделки Аманодзяку убивают, кровь его проливается на землю, вот отчего гречиха красная!

На этом примере видно, как порой неузнаваемо трансформируются сказочные образы, потому что с ходом истории меняется сознание людей. Переходя из древней легенды в сказку, фантастический персонаж зачастую словно уменьшается в масштабе и теряет свою мощь, но зато приобретает живую осязаемую конкретность.

Фантазия связана с реальностью, как растение с землею. «Народно-фантастическое и народно-действительное», пользуясь известным выражением Белинского, в японской сказке так естественно и органически сливаются между собою, что создаётся впечатление полной достоверности сказочных персонажей. В них так веришь, будто увидел их собственными глазами.

В сказках более поздней исторической эпохи всякие лешие и оборотни уже как бы примелькались. «Ах, чтоб тебя! Вот невидаль какая!» — говорит, увидев лешего, бобылиха из «Снегурочки» Островского. Эта буднично-досадливая интонация часто звучит и в японских сказках, повествующих о проказах каких-нибудь оборотней, леших — тэнгу или водяных — каппа.

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 2. М.: изд-во Академии наук СССР, 1953, с. 507.

«Превратности судьбы», постигшие на протяжении веков японского лешего — тэнгу, ещё более удивительны, чем история великана Аманодзяку. В старинной японской исторической летописи «Нихонсёки» рассказывалось, что в 637 году — «Большая звезда пролетела по небу с востока на запад, и последовал за ней звук, подобный грому. В то время люди говорили: «Это лает тэнгу — небесная собака. Голос её грому подобен». Впоследствии под влиянием индийских легенд тэнгу превратился в летающего демона, и тогда возникло поверье, что он сродни птицам. У него длинный нос и птичьи когти, ему приписывали зловещую способность поражать людей безумием. Но в поздних сказках — тэнгу — комический персонаж. Он глуповат и доверчив, провести его не трудно. Тэнгу даже и летать-то не умеет, если отнять у него волшебный веер («Треугольный сон»).

Однако в японской сказке встречаются и такие герои, которые, можно сказать, почти не меняли своего облика на протяжении веков. Это персонажи сказок о животных. Японские дети любят слушать о том, как хитрая лиса обманула медведя: посадила лиса редьку и взяла себе вкусные корешки, а медведю достались одни вершки. Потом лиса посадила клубнику и взяла себе вершки, а медведь опять в дураках остался. Такие сказки любимы детьми всего мира, и потому они бессмертны... Сказка о животных — один из древнейших жанров устного народного творчества. Несколько позже неё появилась в Японии и сказка волшебная.

Ещё в эпоху родового строя волшебная сказка как бы вычленилась из древних мифов и преданий. Постепенно, в течение долгих веков, устанавливалась типическая конструкция сказки, её обрядность (зачин, сказочные формулы и т.д.), отбирались любимые сюжеты.

Волшебная сказка обычно начинается с традиционного зачина: «В старину» или «В далёкую старину»... Если это сказка о старике и старухе (это любимые герои детской сказки), то вначале обычно говорится: «Старик пошёл в горы за хворостом, а старуха пошла на речку стирать» или же так: «Старик настилал крышу, а старуха мела двор». В заключение ска-

зочник желает счастья и говорит: «Вот и сказка вся, больше ничего не знаю».

Японские волшебные сказки не обладают такой силой сцепления, как сказки Ближнего Востока. Они не соединяются между собой в гирлянды.

Конструкция японских сказок (как и многих сказок мира) вся построена на троекратных повторах: три волшебных предмета, три трудные задачи, три главных эпизода и т.д. Эти элементы легко кочуют из одной сказки в другую в самых разных, но всегда немногих комбинациях.

Волшебная сказка — царство превращений. Человек может превратиться в любое существо, а зверь или птица — стать человеком. Это неистощимый источник сказочных чудес. (Причём в европейских сказках обычно человек принимает образ зверя, в Японии же гораздо чаще зверь принимает человеческий образ.)

Очень распространены в Японии сказки о девах-птицах. Основной их сюжет таков: птица принимает человеческий образ, чтобы отплатить добром своему спасителю. Она становится его женой и приносит ему счастье и богатство. Сказка обычно наделяет деву-птицу чудесным умением ткать. Конец сказки нередко печален: муж нарушает запрет и видит жену в облике птицы. Тогда она навсегда улетает от него («Соловьиный дом»). Мотив временной или вечной разлуки тесно связан с образом чудесного супруга или чудесной жены. Так, в европейских сказках Амур покидает Психею, а Финист — Ясный сокол — красну девицу.

Если чудесная жена, слетевшая с неба, — это птица или в более поздние времена фея в одежде из перьев, то жена из подводного царства — это змея или рыба. В древнем японском мифе (он записан в летописи восьмого века «Кодзики») дочь морского царя Тоётама-химэ, рожая ребёнка, принимает свой подлинный образ крокодила. Муж подглядывает за ней в щёлку ограды, и, оскорблённая, она возвращается в море, навсегда закрыв доступ земным существам в морские глубины. Волшебная сказка «Глаза змеи» создана гораздо позже, чем миф о дочери морского царя, и даёт совсем иную мотивировку событиям. В этой сказке женщина только на время

становится змеёй, потому что её проклял за какую-то провинность горный бог. На самом деле она — человек, и преданная любовь маленького сына помогает ей снова вернуть свой прежний облик.

Рассказы о женщинах-змеях известны и в Европе. Согласно средневековой французской легенде, фея Мелюзина стала возлюбленной графа Раймонда де Пуатье. Однажды граф Раймонд увидел Мелюзину, когда она купалась, приняв свой настоящий образ полуженщины-полузмеи. С тех пор фея покинула его. Мелюзина — фея воды. В Японии духов воды тоже представляли себе чаще всего в виде драконов, рыб или змей.

В более поздние времена в Японии возник круг сказаний о лисах и барсуках — оборотнях. Рассказы о них были занесены из других стран Дальнего Востока. Вообще японские народные поверья приписывают способность принимать разные образы не только лисе и барсуку, но и любому живому существу: кошке, змее, пауку, лягушке. Даже предметы могут стать оборотнями, особенно если это старые вещи, долго бывшие в употреблении, непарные сандалии, семечки, брошенные в очаг... Однако главная роль в сказках подобного рода отводится лисе. Причём лиса из животного эпоса и лиса-оборотень поздних преданий — это совершенно разные существа. Лиса из животного эпоса — плутовка, она шутит злые шутки над медведем и другими зверями, но почти не вторгается в мир людей. В поздних преданиях лиса предстаёт иногда в образе демонической красавицы, столь же прельстительной и жестокой, как Шемаханская царица. Но народная сказка глубоко гуманна. Она и лисицу-оборотня наделяет мудростью и добротой. Знаменитая лиса Кудзуноха преданно любит человека, который спас её от гибели. От этого союза якобы родился легендарный учёный астроном и гадатель Абэ Сэймэй. В сказке «Жена-лисица» он носит имя Досимару.

Про лису-оборотня в японском народе рассказывается много страшных или смешных историй. Лиса и барсук напускают морок на людей, иногда из мести, но часто, так сказать, из любви к искусству. Люди в сказках относятся к их проказам скорее добродушно и сами не прочь подшутить над ними («Барсук на ветке»).

Ещё в начале XX века в Японии ходил рассказ о том, что лисица обморочила машиниста, прикинувшись встречным поездом, и чуть не вызвала крушение. Говорят, лису можно увидеть в её подлинном виде, послюнив себе бровь, и потому этот жест в Японии означает: «Не морочь меня, не проведёшь, я вижу тебя насквозь».

* * *

До сих пор мы говорили о сказочных героях — оборотнях, разных чудищах, зверях и птицах, но главный герой японской волшебной сказки — человек. С ним-то и случаются всякие чудеса и приключения. Он попадает в подземное царство через мышиную норку, взлетает на небо по бобовому стеблю, прыгает в воду и невредимым вступает в подводную страну.

Царство чудес начинается за гранью повседневного. А кто чаще всех переходит эту грань? Конечно же не принцы, не князья, скучающие в своих дворцах, а любимые герои японского сказочника — рыбаки, угольщики, лесорубы... Это люди бывалые, как старый солдат в русской сказке. Они дальше других проникали в густую бамбуковую чащу или лесные дебри, где прячутся озёра и болота...

В том, что простой человек стал героем сказок, нет ничего удивительного. Японская волшебная сказка в старину была тесно связана с трудовой деятельностью. Как указывает известный японский знаток фольклора Сэки Кэйго, сказку сказывали перед посадкой риса или после урожая, чтобы просить благоволения богов плодородия. И по сей час, говорит он, есть ещё места, где охотники думают, что если они в своём шалаше расскажут сказку, то бог охоты пошлёт им хорошую добычу. Согласно народным поверьям, боги любят хорошую сказку точно так же, как и люди. Волшебные события вплетаются в будничную жизнь людей бедных и скромных, ничем не примечательных (см. сказки «Соловьиный дом», «Глаза змеи», «Волшебный кувшинчик» и другие). Сказка не наделяет этих героев никакими особыми дарами, кроме сердечной доброты. И когда тому или другому из них достаётся чудесная

жена или волшебный талисман, то он нередко теряет их из-за случайного промаха: нетерпения, недогадливости, не в пору сказанного слова.

Разумеется, это не значит, что японская волшебная сказка — летопись неудач. В сказке обычно торжествует справедливость. Человек бедный, добрый и трудолюбивый может внезапно получить чудесную награду от благодарного зверя или какого-нибудь божества.

Для крестьянина, который выращивает рис на заливных полях, всего нужнее вода. Немудрено, что он поклонялся этой воде, как божеству. На заливных полях водилось множество улиток, и, видимо, в древности бога воды на рисовых полях представляли себе в виде улитки. Недаром именно этот образ носит сынок-улитка, выпрошенный бездетной крестьянкой у бога воды («Сынок-улитка»).

* * *

Борьба между добром и злом — движущая сила волшебной сказки.

Добрый старик противостоит злему старику — соседу, или же, как в «Сказке о золотой рыбке», у старика — злая жена. Но постепенно носителем зла в сказке становится отрицательный социальный тип; так своекорыстный купец губит девушку-журавля, она принуждена выщипать у себя все перья, чтобы соткать побольше ткани («Как журавль за добро заплатил»).

В сказках более позднего времени богачи, князья, монахи — всегда злы и жестоки. Только гонимые бедняки наделены добрым сердцем, щедры и милосердны («Чёрное полотенце»). Борьба этих двух социальных сил есть главная тема сатирической сказки.

В Средние века старинная волшебная сказка постепенно уступает своё место сказкам других, более новых жанров. На смену ей приходят бытовая сказка новеллистического типа, сатирическая сказка, сказка-пародия, авантюрная сказка, «страшные рассказы» о привидениях, о мести мертвеца, о беспощадной судьбе.

Этот процесс особенно убыстряется в городах Японии, где уже начиная с XIV—XV веков складывается свой фольклор, свои традиции устного рассказа. Но, теряя свою былую популярность, волшебная сказка не исчезает целиком даже в городском фольклоре: она переходит в «лубочную литературу» и в «детский репертуар».

Репертуар детских волшебных сказок не очень обширен, но зато необыкновенно прочен и устойчив: в него входят сказки о Мальчике-персике — Момотаро, о войне между крабом и обезьяной, сказка о барсуке, который оборотился чайником, и несколько других, в том числе «бесконечные сказки» (типа сказки про белого бычка).

Всё большее распространение получает сатирическая сказка с очень острой антиклерикальной и антифеодальной направленностью. Возникают циклы сказок о глупом князе, о настоятеле буддийского храма и его службе, о богаче и работнике.

Феодальный князь — это популярный комический персонаж сатирической сказки и средневекового фарса (кёгэн). Он глуп, тщеславен и надут спесью. В средневековом фарсе князя то и дело водит за нос ловкий слуга. Позднее, в сказках XVII—XVIII столетия, на смену слуге приходит Хикоити, весёлый плут и мастер на разные проделки. Он, как и Тиль Ойленшпигель, собирательный образ, воплощение народного юмора, здравого смысла и смекалки, мудрый шут, который иногда любит прикинуться простаком, — пойдй пойми его!

Князь и Хикоити, настоятель храма и его служба, а в русском фольклоре — барин и слуга, поп и работник, — это прежде всего социальные типы. Их борьба, полная комических перипетий, всегда кончается поражением ненавистного угнетателя.

Сатирическая струя проникает и в волшебную сказку. Старинная сказка о чудесной жене обычно кончалась грустно: жена-птица возвращалась в своё царство. Но возник новый сюжет: злой князь пытается отнять у бедняка чудесную жену. Он либо уводит её силой, либо задаёт бедняку хитрые задачи. Такие сказки всегда кончаются счастливо: князь должен быть посрамлён.

Острым социальным содержанием наполняются и многие легенды более позднего времени. Они предельно трагичны: слабый и гонимый в них обычно погибает, но его убийца торжествует недолго, высшая справедливость осуществляется при помощи сверхъестественных сил. Таков сюжет известной легенды «Пять танов земли»: солнце останавливает свой бег на небе, чтобы помочь бедной работнице кончить работу на огромном поле, и после её гибели мстит злому богачу. В других вариантах этой легенды сам богач, уверенный в своём всемогуществе, взмахом веера останавливает солнце на небе и терпит за это жестокую кару. К легендам (дэнсэцу) в японском фольклоре относятся «местные предания» о духах природы и о разных необыкновенных происшествиях, а также исторические легенды. Последние обычно повествуют о каком-нибудь реальном или вымышленном герое древности или подлинном историческом событии, окружая его густой фантастической атмосферой. Если волшебная сказка — откровенный вымысел, то в легенду верили, её записывали, поэтому язык легенды более литературен, чем живая речь сказки.

Ранние легенды (например, о духах природы) порой тяготеют к волшебной сказке, — поздняя легенда как бы смещается в сторону сказки-новеллы, наполняясь чертами социального быта. В завязке обычно возникает невыносимая по своей напряжённости жизненная ситуация, которая затем фантастическим образом разрешается («Как выпал первый снег»).

Несомненно, развитие города очень помогло становлению новых жанров сказки, общих для всей Японии (особенно сказки-новеллы). Большой популярностью в городах пользовались профессиональные рассказчики. Они расстилали свою циновку где-нибудь на людном базаре, а впоследствии начали выступать в особых балаганах. В репертуаре таких рассказчиков были смешные истории, полные каламбуров, с неожиданной концовкой, и повести авантюрного типа, о подвигах старинных самураев. Некоторые из этих историй (особенно смешные) проникли в деревенский фольклор, а городские рассказчики, в свою очередь, были не прочь позаимствовать сюжеты и мотивы у деревенского фольклора:

они ловили всякую интересную придумку, что называется, на лету. Есть указание, что один из самых популярных рассказчиков — большой мастер посмешить своих слушателей — назывался Хикоити. Это имя получил от него в наследство самый весёлый герой японской сказки, — лучшая память, которую может оставить по себе любой рассказчик.

Пародийная сказка городского фольклора — это волшебная сказка, вывернутая наизнанку и доведённая до абсурда («Чудесные путешествия Тораяна»). Нелепые происшествия в сказке «Треугольный сон» мотивируются тем, что они приписались герою в новогодний вечер, но легко заметить, что сказка содержит в себе насмешку над вполне реальными нелепицами средневекового судопроизводства.

В большом ходу были в городе рассказы о привидениях и мертвецах. Таким историям всегда придавали черты подлинности, сообщая имя того, с кем это якобы случилось, время и место происшествия. На самом деле нетрудно обнаружить, что это бродячие сюжеты. Например, рассказ о мёртвой матери, которая кормила в могиле своего новорождённого младенца сладкими пирожками, известен в самых разных местах Японии («Чудо материнской любви»).

В городах феодальной Японии в XVII—XVIII веках пышным цветом расцвели изобразительное искусство, поэзия, театр. Вокруг них возникло немало рассказов о состязаниях между мастерами, о необыкновенных картинах, изваяниях, театральных куклах, которые не только кажутся живыми, но и в самом деле оживают. Конь, нарисованный на картине, топчет по ночам посевы крестьян: приходится просить художника, чтобы он пририсовал узду и привязь. В этих рассказах с большой силой выражена вера в великую силу подлинного искусства.

Городской фольклор, который в значительной мере помог осуществить синтез между устным народным творчеством и литературой, в XIX веке почти сходит со сцены, уступив своё место литературе.

Народное творчество было тем мощным источником вдохновения, которое с самых древних времен питало японскую поэзию и литературу.

Старинный японский роман родился из сказки. В конце IX или начале X века неизвестный автор написал «Повесть о старике Такэтори» («Такэтори моногатари»)¹. В ней искусно сплетены многие мотивы народной волшебной и сатирической сказки.

Фольклорные мотивы встречаются во многих любовных и авантюрных романах классического периода японской литературы X–XI веков («Повесть о прекрасной Отикубо», «Повесть о дуплистом дереве» и др.).

Когда в Японии возникла и развилась литература, устная сказка стала достоянием простого народа. Но встречались любители сказки и среди образованных людей. В начале XI века был создан свод японских, индийских и китайских сказаний «Кондзяку моногатари» («Стародавние повести») (31 том). Жанровый охват этого сборника очень велик: он включает в себя буддийские легенды, волшебные и авантюрные сказки, новеллы, анекдоты. В XIII веке появилась ещё одна книга такого рода: «Удзи сгон моногатари» («Рассказы, подслушанные в Удзи»). Эти памятники литературы — подлинная сокровищница сюжетов. Например, сказка «Счастливая соломинка» встречается в обоих этих сборниках и принадлежит к числу наиболее известных.

В начале XVIII века появился сборник «Отогидзоси» («Ночные рассказы»), включавший в себя двадцать три повествования разных жанров, главным образом, волшебные и авантюрные сказки. Тут и сказка про Мальчика с пальчик, и легенда об Урасима-Таро, и чудесные похождения мореплавателей на далёких островах, населённых чудовищами, и любовные истории. В том числе находились и сказки, помещённые в этой книге: «Девушка с чашей на голове» и «Таро Лежебока».

Сочинены они были задолго до того, как попали в сборник, в XV или XVI веке неизвестными авторами. В то время в Японии уже появились многолюдные города, и круг читателей «лубочной литературы» всё время расширялся. Купцы, приказчики и ремесленники любили в свободное время почитать занятную книжку с картинками.

¹ «Волшебные повести». Перевод с японского В. Марковой. М.: Гослитиздат, 1962.